

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТИ.

1 Января

№ 1

1869 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

Высочайшія повелѣнія.

Назначеніе высокопреосвящ. Макарія, архіепископа харьковскаго на каеедру архіепископа литовскаго и виленскаго.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Сѣноду. въ 10 день декабра 1868 г., за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, повелѣно быть архіепископу харьковскому Макарію архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ, Свято-Духова виленскаго, монастыря священно-архимандритомъ.

Учрежденіе викаріатства въ Тамбовской епархіи.

По высочайше утвержденному, въ 10 день декабра 1868 г., докладу Святѣйшаго Сѣнода учреждено викаріатство въ тамбовской епархіи, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) викарію сей епархіи именоваться епископомъ козловскимъ, а мѣстопробываніе имѣть ему въ г. Тамбовѣ, въ подворьяхъ и зданіяхъ, принадлежащихъ монастырямъ козловскому, Трегуляеву и Саровской пустыни; 2) въ управленіе

викарія назначить козловскій Троицкій монас тырь, съ тѣмъ чтобы преосвященный викарный пользовался отъ этого монастыря настоятельскимъ жалованьемъ и частію братскихъ доходовъ, а также прислугою и экипажемъ; 3) ризницею и прочими принадлежностями архіерейскаго служенія предоставить викарію пользоваться отъ тамбовскаго архіерейскаго дома.

Назначеніе протоіерея Москвина въ санъ епископа козловскаго, викарія тамбовской епархіи.

Высочайше утвержденнымъ Его Императорскимъ Величествомъ, въ 10 день декабря 1868 г., докладомъ Святѣйшаго Синода. повелѣно быть епископомъ козловскимъ, викаріемъ тамбовской епархіи, инспектору тамбовской семинаріи, протоіерею тамбовскаго кафедральнаго собора, Іоанну Москвину, по предварительномъ постриженіи его во монашество.

Указы Святѣйшаго Правительствующаго Синода:

а) отъ 12 октября 1868 года. Касательно предоставленія въ распоряженіе приходскихъ попечительствъ церковныхъ суммъ,

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали дѣло о предоставленіи въ распоряженіе приходскихъ попечительствъ церковныхъ суммъ. И по справкѣ Приказа ли: Святѣйшій Синодъ, по выслушаніи предложенныхъ Господиномъ Оберъ-Прокуроромъ ходатайствъ Пензенскаго Губернскаго Земскаго Собранія и Попечительства прихода Великолуцкой Успенской Кладбищенской церкви (Псковской епархіи) о предоставленіи въ распоряженіе приходскихъ попечительствъ всѣхъ церковныхъ суммъ, собираемыхъ въ Православныхъ церквахъ, и имѣя въ виду, чт

подобныя же ходатайства уже неоднократно были заявляемы и другими земскими собраніями и приходскими попечительствами, призналъ нужнымъ войти въ совокупное разсмотрѣніе сихъ ходатайствъ и соображеніе: въ какой мѣрѣ удовлетвореніе ихъ соотвѣтствуетъ цѣли учрежденія означенныхъ попечительствъ и согласуется съ существующими гражданскими и церковными поста новленіями? Изъ разсмотрѣнія сего обнаруживается: 1) Ст. 6 Высочайше утвержденнаго 2 августа 1864 г. положенія о приходскихъ попечительствахъ прямо указываетъ какъ на денежныя и матеріальныя средства, предоставляемыя Правительствомъ въ распоряженіе попечительствъ (добровольныя пожертвованія отъ прихожанъ и отъ постороннихъ), такъ и на предметы назначенія сихъ средствъ (въ пользу причта, школы и благотворительныхъ учреждений). Содержащіяся въ этой статьѣ разрѣшенія попечительствамъ выставлять и обносить въ церквахъ кружки, а также получать отъ Епархіальныхъ Архіереевъ сборныя книги достаточно указываютъ, что сіи кружки и сіи книги суть отдѣльныя отъ кружекъ и сборныхъ книгъ, назначенныхъ на суммы собственно церковныя, учрежденіе и выдача коихъ не касается приходскихъ попечительствъ и состоитъ внѣ ихъ завѣдыванія. 2) Ст. 145—148 Устава Духовныхъ Консисторій указываютъ наименованія суммъ, лежащихъ на отчетности церковныхъ причтовъ и поступающихъ въ церкви, помимо всякаго вмѣшательства свѣтскаго вѣдомства, и по коимъ чинятся различныя распоряженія непосредственно вѣдомствомъ духовнымъ.—Суммы сіи суть: отпускаемыя изъ казны на содержаніе церквей, кошельковыя, кружечныя, добротходательскія и по разнымъ сборамъ, поступающія за отдачу въ наемъ церковныхъ оброчныхъ статей, выручаемыя за продажу церковныхъ свѣчъ, вѣнчиковъ налагаемыхъ на усопшихъ и разрѣшительныхъ молитвъ. Различіе дѣлаемое законодательствомъ между суммами церков-

лыми и попечительскими, обнаруживается уже из того, что въ расходованіи первыхъ отвѣтствуетъ причтъ, и къ отвѣтственности сей призывается лишь одинъ мірянинъ—церковный староста, который, равно какъ допускаемья къ присутствованію при ежемѣсячномъ свидѣтельствѣ церковныхъ суммъ почетнѣйшія лица прихода, зависятъ отъ выбора прихожанъ и служатъ какъ приходу, такъ и Духовному Начальству, поручителемъ въ цѣлости принадлежащихъ церкви суммъ, но не имѣетъ никакого права непосредственно ими распоряжаться; напротивъ къ распоряженію суммами приходскаго попечительства призываются тѣ лица, которымъ будетъ сіе поручено прихожанами, и изъ причта обязательно въ сихъ распоряженіяхъ участіе только одного приходскаго Священника. На сихъ основаніяхъ признавая заслушанныя домогательства о предоставленіи въ распоряженіе приходскихъ попечительствъ суммъ, принадлежащихъ церквямъ, противными каноническому правилу: „никто да не присвоитъ церковнаго достоянія“ (Препод. Θεοφιλα Александр. прав. 11), Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предписать Епархіальнымъ Преосвященнымъ, чтобы они внушили приходскимъ попечительствамъ о томъ, что цѣль учрежденія сихъ попечительствъ состоитъ въ воспомощеніи Правительству и Святой Церкви въ поддержаніи благолѣпія церковнаго, обезпеченіи служителей ея, въ распространеніи духовнаго образованія, а не въ воспрещенномъ канонами ея посягательствѣ на ея достояніе.

б) отъ 17 ноября 1868 года. *О выдачѣ изъ казны прогоновъ и путевого содержанія лицамъ Духовнаго званія всѣхъ епархій, желающимъ поступить на священно-церковно-служительскія мѣста въ Таврической епархiи.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Исправляющаго должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 27 сентября 1868 г. за № 10443, въ коемъ изъяснено, что по всеподданѣйшему докладу его, въ 20 день минувшаго сентября, воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на распространеніе права полученія прогоновъ и путевого содержанія изъ кредита, ассигнуемаго изъ Государственнаго Казначейства на прогоны и путевыя издержки Духовному вѣдомству, на лицъ духовнаго званія всѣхъ епархій, въ случаѣ изъясненія ими согласія поступить на священно-церковно-служительскія мѣста въ Таврической епархiи. *Справка.* Преосвященному Таврическому предоставлено было указомъ Святѣйшаго Синода отъ 28 марта 1862 года, для замѣщенія священнослужительскихъ мѣстъ въ Таврической епархiи, входитъ въ сношеніе о вызовѣ достойныхъ лицъ съ Преосвященными Харьковскимъ, Курскимъ и Смоленскимъ, и выдавать симъ лицамъ, замѣстительно, изъ состоящихъ въ распоряженіи Епархіальныхъ Начальствъ свободныхъ суммъ, прогоны и путевое содержаніе по существующимъ положеніямъ, съ возвратомъ сихъ издержекъ на счетъ суммъ Святѣйшаго Синода. Вслѣдствіе представленія Преосвященнаго Алексія, бывшаго Таврическаго, Святѣйшему Синоду о томъ, что изъ упомянутыхъ выше епархій оказывается очень мало лицъ, желающихъ поступить на священнослужительскія мѣста въ Таврическую епархiю, Святѣйшій Синодъ нашель, что ограниченіе вызова духовныхъ лицъ, для занятія священничес-

гихъ мѣсть въ сей епархіи, только тремя епархіями, можетъ представлять для Таврическаго Епархіальнаго Начальства важныя неудобства, и потому опредѣленіемъ отъ 5/26 Іюня текущаго года, предоставилъ Господину Синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА разрѣшеніе на полученіе права пользоваться прогонами и путевымъ содержаніемъ духовнымъ лицамъ всѣхъ епархій, въ случаѣ изъясненія ими желанія поступить на священно-церковно-служительскія мѣста въ Таврической епархіи. Приказали: О вослѣдовавшемъ въ 20 день минувшаго сентября, Высочайшемъ разрѣшеніи на выдачу изъ казны прогоновъ и путевого содержанія лицамъ духовнаго званія всѣхъ епархій, желающимъ поступить на священно-церковно-служительскія мѣста въ Таврической епархіи, дать знать по Духовному вѣдомству печатными указами.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Объ опредѣленіи и перемѣщеніи на священно-служительскія мѣста.

1) Окончившій курсъ семинаріи Василій *Скорозъ* опредѣленъ на священническое мѣсто въ село Вельможино Кирсановскаго уѣзда.

2) Борисоглѣбскаго уѣзда с. Андреевки свящ. Іоаннъ *Успенскій* перемѣщенъ, согласно его прошенію, въ с. Ростоши того-же уѣзда на мѣсто священника Михаила *Назарьева*, опредѣленнаго въ 1 Тамбовское училище учителемъ географіи и арифметики, а въ Андреевкѣ священническое мѣсто предоставлено окончившему курсъ семинаріи, воспитанику Петру *Уметскому*.

Священники, г. Моршанска кладбищенской церкви

Иоаннъ *Казанскій* и г. Темникова соборной церкви Алексѣй *Лебедевъ* перемѣщенъ одинъ на мѣсто другаго.

Помощникъ смотрителя Шацкаго училища Стефанъ *Крыловъ* опредѣленъ къ кладбищенской церкви г. Козлова, на мѣсто умершаго священника Димитрія *Скородумова*.

Объ учрежденіи церковно-приходскихъ попечительствъ.

1) *Тамбовскаго уѣзда* въ с. Бондаркѣ. Предсѣдателемъ избранъ купецъ Капитонъ *Колоковъ* съ 21 членомъ.

2) *Моршанскаго уѣзда:*

При Вознесенской церкви г. Моршанска. Предсѣдателемъ избранъ почетный гражданинъ Гавріилъ *Умняковъ* съ 15 членами.

3) Въ Большой Липовкѣ. Предсѣдателемъ избранъ Макаръ *Зотовъ* съ 10 членами.

4) Бадиномъ Углѣ. Предсѣдателемъ избранъ крестьянинъ Ермолай *Амалинъ* съ 12 членами.

5) Красивкѣ. Предсѣдателемъ избранъ крест. Павелъ *Зобнинъ* съ 10 членами.

6) Ракшѣ. Попечителемъ избранъ поручикъ Василій *Безобразовъ*.

7) Верхнемъ Ламовисѣ. Предсѣдателемъ избранъ коллежскій регистраторъ Василій *Шаматовъ* съ 3 членами.

8) Вяжлѣ. Предсѣдателемъ избранъ кр. Максимъ *Мастрюковъ* съ 7 членами.

9) Тараксѣ. Предсѣдателемъ избранъ Стефанъ *Котельниковъ* съ 9 членами.

3) *Борисоглыбскаго уѣзда:*

10) Въ Малой Грибановкѣ. Предсѣдателемъ избранъ землевладѣлецъ Александръ *Богушевскій* съ 2 членами.

11) Большой Грибановкѣ. Предсѣдателемъ избранъ по-

четный гражданинъ Алексѣй Хрушниковъ съ 2 членами.

12) Русановъ. Предсѣдателемъ избранъ крестьянинъ Иванъ Опритовъ съ 2 членами.

12) Сукмангъ. Предсѣдателемъ избранъ крестьян. Родъ Плясъ съ 2 членами.

III.

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ правленія варшавскаго духовнаго училища.

Въ варшавскомъ духовномъ училищѣ имѣется вакансія учителя географіи и арифметики, съ окладомъ жалованья 300 руб. сер. въ годъ, при казенной квартирѣ, впредь до образованія училища, съ которымъ ожидается увеличеніе сего оклада. Не имѣя въ виду кандидатовъ на замѣщеніе сей вакансіи, правленіе варшавскаго духовнаго училища проситъ окончившихъ курсъ академическаго образованія воспитанниковъ, желающихъ поступить на упомянутую вакансію, обратиться въ оное правленіе съ прошеніями, приложивъ къ нимъ свои академическіе аттестаты и свидѣтельства о выдержаніи установленнаго испытанія подлежащимъ предметамъ, или заявивъ въ прошеніяхъ, гдѣ акому испытанію желаютъ подвергнуться.

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвинъ.

Съ дозволенія цензуры. 18 Января 1869 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

К Ъ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

1 Января

№ 1.

1869 годъ.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЯ И ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ НА 33-Й ПСАЛОМЪ.

Предлагаемыя замѣтки вызваны желаніемъ не столько дать ученое толкованіе псалма, сколько представить опытъ, какъ обращаться въ созиданіе духовное столь употребительныя въ церкви Давидскія пѣсни, извлекая изъ нихъ уроки для упорядоченія своихъ мыслей и добраго настроенія сердца и всей жизни. Избранъ же для сего 33-й псаломъ, ради того, что онъ не послѣдній въ числѣ часто слышимыхъ въ церкви. Одно же обстоятельство даетъ ему преимущество предъ другими, именно то, что онъ читается всегда предъ окончаніемъ Литургіи. Исходятъ христіане изъ храма, каждый на дѣла свои, въ свой кругъ жизни, — и вотъ имъ дается въ семъ псалмѣ напутственное наставленіе для благонастроенія души, въ пособіе ей для благоустроенія жизни, дается, какъ бы программа поведенія на цѣлый день, и какъ жизнь вся слагается изъ дней, на цѣлую жизнь. Содержаніе псалма точно таково. — Частымъ его повтореніемъ на Богослуженіи церковномъ св. церковь хочетъ напечатлѣть его въ умахъ христіанъ, заставить ихъ и не хотя заучить и запомнить его, чтобъ укоренить въ сердцѣ и уроки его.

И, точно, очень многіе знаютъ псаломъ сей на па-

мять; но самое сіе твердое знаніе можетъ иногда мѣшать почерпать изъ него всю возможную пользу духовную. Это, можно сказать, и неизбѣжно, когда при заучиваніи работаетъ одна память, безъ предварительнаго или совмѣстнаго углубленія въ содержаніе стиховъ. Какъ при семъ не дается простора размышленію, то умъ и сердце остаются праздными: работаетъ одна память, затверживая порядокъ теченія словъ. Но какъ заучите псаломъ, такъ онъ потомъ и употребляется. Мысль, забитая въ началѣ, при заучиваніи, не приходитъ уже въ движеніе и при повтореніи заученнаго, и повторяется она едва ли не всегда, совсѣмъ безслѣдно для души.—Между тѣмъ всякій псаломъ есть сокровище духовное, если развитъ содержаніе его. И выходитъ часто, что многіе имѣютъ, или мнятся имѣти, нѣчто въ умѣ, и не имѣютъ,—обладаютъ сокровищемъ, которое однакожъ сокрыто, хотя сокрыто въ нихъ же, на селѣ души ихъ, въ памяти. Почему необходимо вырыть сіе сокровище, разложить предъ окомъ ума и дать душѣ насладиться созерцаніемъ его.

Это можетъ и долженъ сдѣлать всякій собственнымъ размышленіемъ. Настоящія замѣтки предлагаются въ пособіе. Чтобъ однакожъ не охлаждала чьего усердія обратити на нихъ должное вниманіе мысль, не тщетно ли ожиданіе научиться чему либо изъ написаннаго, долгомъ считается предварить, что во всемъ, что читать здѣсь имѣетъ кто, рѣдко гдѣ проходитъ своя мысль, и то развѣ для связи, главное же и нужное все взято изъ св. отцевъ: Василія вел., Афанасія вел., блажен. Θεодорита, блажен. Августина, и другихъ церковныхъ писателей и толкователей псалтыри: Евѣимія Зигабена, Анеѣима Патріарха Іерусалимскаго, Иринея архіепископа Псковскаго (изд. св. Синода), а равно и нѣкоторыхъ новыхъ толковниковъ западныхъ, которые, хотя и внѣ церкви православной суть, но какъ любители св. писанія, по милости Божіей, иногда

изрекають благія мысли, особенно въ томъ, что касается вѣшняго строя псалма и буквального значенія словъ. После такого предваренія никакъ не излишне ожиданіе, что за усердный трудъ составленья замѣтокъ воздано будетъ усерднымъ и внимательнымъ чтеніемъ ихъ и посильнымъ приложеніемъ къ своей жизни того, что будетъ высказано въ нихъ.

Ключъ къ уразумѣнію псалма сего даетъ случай, по которому онъ написанъ. Тутъ видится, что воодушевило св. Пѣснопѣвца къ пѣснопѣнію, и открывается взоръ на все содержаніе пѣсни. Съ указанія его и надобно начать, чтобъ отъ него перейти къ представленію всего содержанія псалма.

1) Случай къ написанію псалма.

Случай, по которому составленъ 33-й псаломъ, означается въ надписаніи его: *псаломъ Давиду, внигда измѣни лице предъ Авимилехомъ, и отпусти его и отыде*. Обстоятельство это описано въ 1 Цар. 21, 11-13. Гонимый Сауломъ, Давидъ, побывъ немного въ Номвѣ, гдѣ былъ ковчегъ завѣта, и гдѣ взялъ онъ хлѣбы предложенія и мечъ Голіаѳа, удалился въ землю Филистимскую. Здѣсь онъ былъ узнавъ Филистимлянами, которыхъ прежде такъ посрамилъ, сразивъ Голіаѳа, и представленъ къ царю въ Геоу. Въ крайности сей Давиду пришло на мысль—притвориться потерявшимъ смыслъ, къ надеждѣ, что это спасетъ его. Богъ благословилъ это средство, само по себѣ очень сомнительное: царь отпустилъ Давида свободнымъ. Вспомнивъ о семъ избавленіи отъ бѣды, св. Давидъ поетъ благодарно хвалебную пѣснь Богу (*). Св. Василій вел. говоритъ: „*измѣни*

(*) Къ этому же случаю относится и 55-й псаломъ. Но тамъ излагаетъ Пророкъ молитву, которую возсылалъ онъ къ Богу въ сей крайности; а здѣсь благодаритъ за полученное спасеніе и прославляетъ благодать Божію.

лица свое, когда былъ окруженъ врагами, потому что услышалъ, какъ они разговаривали между собою и приготовились къ мщению. *Ирекоша*, сказано, *отроцы Анхусовы къ себѣ: не сей ли Давидъ, царь земли? Не сему ли изыдоша жены ликующія, глаголюще: побѣди Давидъ съ тѣмами своими, а Саулъ съ тысячами своими?—И убояся Давидъ отъ лица Анхусова и измѣни лице свое предъ очами ихъ* (Цар. 21, 11-13). Измѣнивъ лице свое, Давидъ былъ принесенъ на рукахъ домочадцевъ къ Анхусу, билъ въ городскія ворота, и слыны своя точаше по брань, такъ что Анхусъ сказалъ домочадцамъ: для чего привели вы его ко мнѣ? Не имѣю нужды въ неистовыхъ, *яко внесосте его, да быснуется предо мною* (там. 14 ст.). И такимъ образомъ Давидъ, отпущенный оттуда, спасся, какъ сказано, въ пещеру Одолламскую (Цар. 22, 1). За это спасеніе и благодарить теперь Бога.⁴

Къ сему же случаю относить псаломъ сей и блаж. Августинъ. Вотъ его слова: „надпись псалма такова: *псаломъ Давиду, внигда измѣни лице свое предъ Авимелехомъ*. Ищемъ въ исторіи царей, какое событіе соотвѣтствуетъ сему, и находимъ слѣдующее: когда бѣжалъ Давидъ отъ Саула своего гонителя, то перебѣгъ къ Анхусу, царю сосѣдняго Іудеямъ народа, и тамъ скрывался, чтобъ избѣжать отъ сѣтей Саула. Тутъ свѣжа еще была память о томъ, какъ онъ, убивъ Голіаѳа, стяжалъ славу и безопасность царству, царю и народу Іудейскому. Когда надлежало сразить Голіаѳа, Давидъ любезенъ былъ Саулу, а когда Голіаѳъ былъ низложенъ, Саулъ позавидовалъ славу Давида и сталъ врагомъ того, кѣмъ избавленъ отъ врага. Какъ,—думалъ Саулъ,—отрокъ одною побѣдою приобрѣлъ такую славу, что по всему царству о немъ пошли рѣчи и стали слагаться пѣсни?! И началъ гнать его.—Когда перебѣжалъ Давидъ въ сосѣднюю землю, возвѣщено было царю (Авимелеху): такой и такой въ нашей землѣ. Дошли до слуха Давидова недобрыя рѣчи ихъ; и подумалъ

онъ, что если Сауль, которому я сдѣлалъ добро, гонить; то этотъ царь, посрамленный мною, радъ будетъ сгубить человѣка, отъ котораго можетъ опасаться еще бѣдъ, если оставить его живымъ. Убоялся и измѣнилъ лице свое, — барабанилъ въ ворота, ходилъ на рукахъ своихъ, и слюну испустилъ на бороду свою. Увидѣвъ его въ семь видѣ, царь съ презрѣніемъ отворотился отъ него, и отпустилъ. И вотъ спасенный Пророкъ поетъ благодарную пѣснь Богу.

Того же мнѣнія Иеронимъ, Евфимій Зигабенъ, Патріархъ Іерусалимскій Анѳимъ, Иринеи Псковскій, и всѣ почти новые западные толкователи. Но блаженный Θεодоритъ, вслѣдъ за Афанасіемъ вел., измѣненіе лица и псаломъ относить къ тому случаю, когда Давидъ, отбѣжавъ отъ Саула, пришелъ въ Номву, гдѣ былъ ковчегъ завета, и у свящ. Авимелеха взялъ хлѣбы предложенія и мечъ Голіаеовъ. Онъ сказалъ священнику, что, въ поспѣхахъ, посланъ Сауломъ по одному дѣлу, и ничего не взялъ съ собою, скрывъ, что гонимъ царемъ. Это скрытіе настоящей причины прибытія въ Номву блаж. Θεодоритъ считаетъ измѣненіемъ лица, и полагаетъ, что псаломъ относится къ сему случаю. Но при семъ не было дѣйствительнаго измѣненія лица. Давидъ оставался въ своемъ обычномъ видѣ; слова же, имъ сказанныя, нельзя принять за измѣненіе лица. И это тѣмъ паче, что, въ исторіи дѣяній царей, ясно означенъ случай, когда Давидъ измѣнилъ лице свое. Тамъ при семъ случаѣ не поминается объ измѣненіи лица Давидомъ; поминается же при другомъ, когда Давидъ, послѣ сего, перешедши въ землю Филистимскую, былъ схваченъ тамошними и представленъ царю. Убояся, говорится тамъ, *Давидъ и измѣни лице свое* (1 Цар. 21, 12); почему мнѣніе блаженнаго Θεодорита и не можетъ быть принято.

Но скажетъ кто: въ надписи стоитъ: *измѣни лице свое*

предъ Авимелехомъ, а симъ именемъ назывался священникъ, принимавшій Давида въ Номвѣ. Какъ же не къ этому случаю относить псаломъ? Имя сіе точно напоминаетъ того священника и случай съ Давидомъ въ Номвѣ; но слова: *измѣни лице свое* отводятъ мысль къ другому лицу и другому случаю; ибо не предъ священникомъ въ Номвѣ измѣнилъ Давидъ лице свое; а предъ царемъ въ Геѣѣ. Но скажутъ опять: Геѣскій царь названъ въ книгѣ Царствъ Анхусомъ, а не Авимелехомъ. Какъ же къ тому случаю относить измѣненіе лица и псаломъ? Пусть такъ: но царь Анхусъ могъ именоваться и Авимелехомъ. Коль скоро объяснено будетъ, какъ царь Анхусъ книги Царствъ могъ наименованъ быть Авимелехомъ въ надписи псалма, всякое недоумѣніе тогда разсѣется.

Это недоумѣніе, рождающееся отъ различія имени цари Геѣскаго въ книгѣ Царствъ съ именемъ, стоящимъ въ надписи псалма, занимало всѣхъ, кто толковалъ псаломъ сей, и всѣ рѣшаютъ его тѣмъ замѣчаніемъ, что у Филистимлянъ цари носили два названія: одно общее всѣмъ царямъ, а другое особое или собственное имя каждаго. Общее названіе всѣхъ царей было у нихъ Авимелехъ, какъ у Египтянъ — Фараонъ, у древнихъ Иерусалимлянъ Адониседекъ или Мельхиседекъ, у Амалекитовъ — Агагъ, у Газорянъ — Іавивъ, у Іеменцевъ — Тоба (Генгстенбергъ, Ользгаузенъ). Что это дѣйствительно такъ было, доказывается тѣмъ, что, въ книгѣ Бытія, цари Филистимскіе, и при Авраамѣ и при Исаакѣ, одинаково именуются — Авимелехъ (гл. 20 и 26). По разстояніи же времени нельзя думать, чтобъ это былъ одинъ и тотъ же царь, и слѣд. чтобъ Авимелехъ было собственное имя. На ту же мысль наводитъ и значеніе слова — Авимелехъ. Оно означаетъ отецъ царства, какъ замѣчаетъ блаж. Августинъ, почтительное и очень выразительное титуло всякаго царя. Послѣ сего не трудно догадаться, отъ чего въ книгѣ Царствъ употреблено одно имя, а

въ надписи другое, въ означеніе одного и того же лица. Въ книгѣ Царствъ, гдѣ писана исторія, требующая опредѣленной точности, стоитъ собственное имя тогдашняго царя Анхусъ, а въ надписи псалма употреблено общее тамошнихъ царей имя: Авимелехъ (Генгстенбергъ).

Св. Василій вел. такъ говоритъ о семъ: „Почему надписаніе именуетъ Авимелеха, а исторія передаетъ имя Анхуса, царя Геоскаго? На сіе имѣемъ такое объясненіе, дошедшее до насъ по преданію, что Авимелехъ было общее имя царей Филистимскихъ, но что каждый изъ нихъ имѣлъ и собственное наименованіе. Подобное можно видѣть въ Римскомъ государствѣ, гдѣ цари вообще называются Кесарями и Августами, но удерживаютъ и собственные имена свои. Таково же у Египтянъ имя—Фараонъ. Ибо Фараономъ называется Египетскій царь при Иосифѣ, Фараономъ именуется и тотъ, который чрезъ четыре поколѣнія, при Моусеѣ, былъ царемъ Египта; Фараонъ былъ и во времена Соломона, ибо сказано: *поятъ дщерь Фараона* (3 Цар. 3, 1.); Фараономъ также именовался и царствовавшій въ Египтѣ, во времена пророческаго служенія Іереміи (4 Цар. 23, 29...). Такъ и Авимелехъ былъ и во дни Авраама и во дни Исаака, и теперь именуется во времена Давида. Объ Авраамѣ сказано: *и рече Авимелехъ... ко Аврааму...* и проч. (Быт. 21, 22). Равно и объ Исаакѣ: *прикинувъ Авимелехъ оконцемъ, видѣ Исаака* (Быт. 26, 88). Такъ и здѣсь, въ надписи, Авимелехъ временъ Давидовыхъ названъ общимъ царскимъ именемъ; исторія же передаетъ его имя Анхусъ, которое было собственное его имя, данное ему при рожденіи“.

Но, рѣшивъ это первое недоумѣніе отъ разнорѣчія надписи съ исторією, встрѣчаемся съ другимъ, которое возбуждается несоотвѣтствіемъ надписи содержанію псалма. Въ псалмѣ, говорятъ, нѣтъ опредѣленнаго указанія на событіе, означенное въ надписи. Почему можно думать,

что она сдѣлана кѣмъ либо послѣ, по догадкѣ (Гитцигъ), а не принадлежитъ самому Пророку Давиду; можно и дальше провести этотъ выводъ до отрицанія подлинности самаго псалма (Ользгаузенъ). Но

1) еслибъ и вѣрно было, что въ содержаніи псалма нѣтъ указанія на событіе, о коемъ говоритъ надпись, отсюда нельзя выводить никакого недоумѣнія о подлинности надписи, или псалма, когда съ другой стороны извѣстно изъ самаго же псалма, что св. Пророкъ имѣлъ въ виду при составленіи его не событіе означенное живописать, а выразить свои благодарныя и хвалебныя чувства къ Богу, съ приложеніемъ руководительныхъ внушеній и для другихъ. По сей цѣли св. Давидъ, указавъ въ надписи на событіе и тѣмъ давши читающему псаломъ понять состояніе своего духа при воспоминаніи о семъ событіи, всю пѣснь обращаетъ на изображеніе сего состоянія, а еще болѣе — на изложеніе общихъ законовъ Богопромышленія и на выводъ отсюда уроковъ для жизни благочестивыхъ людей. Псаломъ, и будучи писанъ по извѣстному случаю, могъ имѣть видъ общей благодарственной и поучительной пѣсни, безъ означенія частныхъ случаевъ. Но

2) и то невѣрно, будто въ псалмѣ совсѣмъ нѣтъ указаній на событіе, поминаемое въ надписи. Нельзя не видѣть сего указанія въ словахъ: *сей нищій воззва*. Всѣ толковники относятъ сіи слова къ самому Давиду. Но когда св. Давидъ былъ нищъ, какъ не въ показанномъ случаѣ?! Изгнанъ изъ дома, разлученъ съ женою, лишенъ имущества и крова, не имѣлъ, гдѣ голову поклонить, и чѣмъ питаться, и, въ довершеніе всего, былъ угрожаемъ крайнею опасностію — потерять жизнь. Все это и приходитъ на мысль, когда читаешь: *сей нищій воззва*. — Св. Пророкъ однимъ этимъ словомъ очертилъ свое положеніе, сколько то нужно было по цѣлямъ псалма. Желаящему болѣе осязательныхъ указаній можно напомнить, что здѣсь

не исторія пишется, а поется пѣснь, гдѣ самый образъ теченія рѣчи принуждаетъ довольствоваться даже и не столь ясными указаніями.

3) Сверхъ того изъ недостатка указаній въ содержаніи псалма на событіе надписи, еслибъ даже сіе вѣрно было, совсѣмъ не то слѣдуетъ, что выводить, а противное тому. Говорятъ: нѣтъ указаній, — слѣд. надпись сдѣлана кѣмъ нибудь другимъ, а не Пророкомъ Давидомъ; а можетъ быть и псаломъ не имъ писанъ. Слѣдуетъ же говорить совсѣмъ противное, именно: потому самому, что нѣтъ осязательныхъ указаній, должно полагать, что надпись и, слѣд. самый псаломъ принадлежать св. Давиду. Стороннему лицу какъ могло придти на мысль сдѣлать такую надпись? Только самъ пѣснопѣвецъ вѣдалъ, — къ чему относится пѣснь, и выразилъ то въ надписаніи пѣсни (Генгстенбургъ, Шеггъ). Ко времени гоненія Сауломъ Давида относятся кромѣ настоящаго еще 7 псалмовъ (*). Но не во всѣхъ ихъ есть опредѣленные указанія на самыя событія, хотя въ подлинности ихъ не сомнѣваются.

То замѣчаніе, что стороннее лицо могло взять фразу для надписи изъ книги Царствъ и приложить ее къ сему псалму, по какимъ либо соображеніямъ, можно не считать стѣбующимъ уваженія; потому что тонъ сей фразы: *измѣни лице свое* подходитъ болѣе къ поэтической рѣчи, чѣмъ къ простой—исторической. И потому скорѣе положить должно, что историческія книги Царствъ взяли ее изъ надписи псалма, а не на оборотъ. Въ подлинникѣ точно надпись сія составляетъ первый стихъ псалма, и потому уже самому не можетъ быть почитаема приложенною послѣ (Генгстенбургъ).

Таковъ случай, подавшій поводъ къ написанію псалма. Не слѣдуетъ, однакожъ, думать, чтобъ псаломъ сей со-

(*) Псалмы сіи суть слѣдующіе въ хронологическомъ порядкѣ: 7, 58, 53, 51, 56, 141, 53.

ставленъ былъ тотчасъ, по избѣжаніи Давидомъ означенной опасности. Противъ этого—болѣе спокойный тонъ рѣчи псалма, тогда какъ псалмы, писанные подъ свѣжими впечатлѣніями, полны сильныхъ и стремительныхъ оборотовъ; противъ этого—господствующее въ псалмѣ желаніе Пророка, изъ собственнаго опыта извлечь утѣшеніе и наставленіе для всѣхъ богобоязненныхъ, смиренныхъ обстоятельствами жизни; противъ этого—алфавитный порядокъ стиховъ, который неумѣстенъ при изложеніи въ пѣсни живыхъ чувствъ, производимыхъ дѣйствіемъ текущихъ событій. Псаломъ не безъ движенія; но въ цѣломъ онъ носитъ характеръ произведенія, въ которомъ, обсудивъ спокойно бывшее, хотя не безъ чувства воспоминаютъ о немъ, имѣютъ, однакожь, въ мысли—болѣе извлечь изъ событія уроки себѣ и другимъ, чѣмъ только пѣть. Потому вѣрнѣе будетъ положить, что псаломъ сей составленъ послѣ указаннаго въ надписи случая, по минованіи, можетъ быть, многихъ и другихъ скорбей, при счастливой уже обстановкѣ внѣшней. Вспомнивъ о сей рѣшительной въ жизни своей минутѣ и дивномъ спасеніи отъ крайности, въ которой находился тогда, св. Пророкъ полагаетъ то въ основаніе особой пѣсни хвалебной и вмѣстѣ учительной, начиная ее словами, которыя въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, исторглись изъ благодарнаго сердца въ ту минуту, когда, отлученный Анхусомъ и отдалившись отъ Гебы, почувствовалъ онъ себя внѣ всякой опасности. Этимъ объясняется и то, почему въ псалмѣ воздается благодарность объ избавленіи отъ всѣхъ бѣдъ и скорбей, когда надпись указываетъ только на одинъ случай. Этотъ случай былъ началомъ бѣды для Давида. Благодарно воспѣвая избавленіе отъ сей начальной бѣды, пѣвецъ не могъ не вѣсть въ умѣ и всей послѣдующей цѣпи бѣдъ и скорбей, отъ коихъ дивно избавляла его всегда покрывавшая его десница Вышняго.

О
БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГІИ.

Огюста Николя.

I.

Доказательства виѣшнія.

1. *Одна Религія Христіанская опирается на доказательствахъ, еказаль Фонтень.*

Если развивать эту истину, то въ ней окажется не только та мысль, что одна Религія Христіанская имѣеть на своей сторонѣ твердыя доказательства своей истинности, но и та, что эти доказательства могочисленны и разнообразны и вмѣстѣ столько полновѣсны, что способны поражать всякаго рода умы и характеры, поражать одинъ и тотъ же умъ въ различныхъ положеніяхъ, въ какія онъ можетъ послѣдовательно переходить, и никогда не оставлять его въ состояніи неизбѣжныхъ сомнѣній. Въ этой истинѣ заключается даже и та мысль, что, независимо отъ общихъ и неизблѣмыхъ доказательствъ, способныхъ удовлетворять умственнымъ требованіямъ всехъ временъ и мѣстъ, въ Христіанской Религіи хранятся какъ бы въ запасѣ для каждаго вѣка и для всякой степени развитія и направленія духа человѣческаго совершенно особыя доказательства, достоинство которыхъ оцѣнивается только тогда, когда они становятся необходимы, съ точностію соотвѣтствуютъ и идутъ въ параллель съ направленіемъ потребностей, идей и нравственнаго настроенія человечества. Такъ, — повторяемъ одно изъ нашихъ

сравненій, — съ высоты маяка, неподвижно возвышающагося среди вѣчно волнующагося моря, спасительный свѣтъ своими мѣняющимися лучами поражаетъ и привлекаетъ къ себѣ безпокойный взоръ моряка.

Когда углубляешься мыслію въ эту экономію доказательствъ Христіанскаго откровенія, то не знаешь, чему болѣе удивляться — непостижимому ли снисхожденію Бога, примѣняющаго такимъ образомъ свою истину ко всякой мѣрѣ пріемлемости со стороны разума человѣческаго, или упругому упрямству разума нашего, умбующаго и тутъ дѣлать извороты и находить поводы и причины къ сомнѣніямъ и отричаніямъ. Но и самая возможность этого упрямства показываетъ уже снисходительную пощадку со стороны разсматриваемой Божественной экономіи, по которой разумъ плѣняется въ послушаніе вѣры безъ насилія и, при полномъ удовлетвореніи его законной потребности, ему, не смотря на его ослѣпленіе, прелоставляется свобода, дабы для него же соблюсти заслугу его вѣры.

Самъ Руссо, всю жизнь свою колебавшійся между вѣрою и упорнымъ ослѣпленіемъ противъ Религіи Христіанской, слѣдующимъ образомъ выражается объ этомъ гармоническомъ разнообразіи ея доказательствъ:

«Люди, одаренные столь разнообразнымъ устройствомъ и развитіемъ головы, не все могутъ испытывать на себѣ одинаковыя дѣйствія однихъ и тѣхъ же доказательствъ, особенно по отношенію къ вѣрѣ. Одинъ, по направленію и развитію своихъ способностей, поражается только известнаго рода доказательствами, а другой — совершенно противоположными. Могутъ иногда соглашаться

и всё касательно однихъ и тѣхъ предметовъ, но такое согласіе весьма рѣдко держится на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ. Поэтому, когда Богъ даруетъ людямъ откровеніе, вѣровать которому обязаны все, необходимо, чтобы откровеніе это утверждалось на доказательствахъ, годныхъ для всехъ и, слѣдственно, столько же разнообразныхъ, какъ степени и способы разумнія тѣхъ личностей, кои должны принимать откровеніе».

«При этомъ простомъ и вѣрномъ соображеніи, становится понятнымъ, что Богъ, при посыланіи провозвѣстниковъ своей воли, надблялъ ихъ неодинаковыми свойствами и характерами, дабы посольство ихъ могло быть признаваемо всякаго рода людьми, великими и малыми, мудрыми и неразумными, учеными и необразованными. Несомнѣнно, счастливы тѣ изъ нихъ, у кого способности душевныя настолько развиты, что могутъ разомъ воспринимать дѣйствіе всехъ качествъ этихъ посланниковъ; но нечего скорбѣть и тому, кто поражается только нѣкоторыми изъ этихъ качествъ, если происшедшее отъ того впечатлѣніе достаточно для его убѣжденія».

«Первое изъ этихъ качествъ, важнѣйшее и самое достовѣрное, вытекаетъ изъ сущности откровеннаго ученія, т. е. изъ его пользы и нравственной доброты (*), его святости, истинности, глубо-

(*) При этомъ Руссо замѣчаетъ: „не понимаю, почему это хотятъ превосходное и нравственное ученіе нашихъ книгъ приписать успѣхамъ философіи? Это ученіе, извлеченное изъ Евангелія, было христіанскимъ прежде существованія самой этой философіи. Только Евангеліе всегда самому себѣ вѣрно, всегда истинно, всегда едино и всегда съ самимъ собою согласно“.

кости и другихъ свойствъ, кои могутъ давать знать людямъ, что это наставленія высочайшей Премудрости и правила высочайшей Благости. Это качество, какъ я уже сказалъ, самое ясное и безошибочное; оно само въ себѣ носитъ доказательство такое, при которомъ нѣтъ надобности ни въ какомъ другомъ, но оно меньше всего удобно для удостовѣренія. Чтобы сила его была оцутительна, для этого требуются изслѣдованія, размышленія, познанія, логическія тонкости, исключительно свойственныя людямъ умнымъ, ученымъ и способнымъ къ разумному обсужденію и толкованію».

«Другое такого рода качество заключается въ свойствахъ людей, избираемыхъ Богомъ для возвѣщенія Его слова. Ихъ святость, правдивость, искренность и прямота, чистые и безупречные нравы, ихъ добродѣтели, недоступныя страстямъ человеческимъ въ совокупности съ совершенствами разсудка, ума и сердца, знанія и благоразумія, составляютъ достойное уваженія количество признаковъ, взаимное сочетаніе которыхъ, не допускающее ослабленія одного на счетъ другаго, представляетъ самое удовлетворительное доказательство въ ихъ пользу и, очевидно, подтверждаетъ, что они болѣе, чѣмъ обыкновенные люди. Этотъ признакъ поражаетъ преимущественно людей добрыхъ и прямодушныхъ, которые признаютъ истину тамъ, гдѣ видятъ справедливость и слышатъ голосъ Божій, считаютъ возможнымъ единственно изъ устъ добродѣтели».

«Третье качество, отличающее посланниковъ Божіихъ, состоитъ въ проявленіи Божественнаго могущества, останавливающаго и измѣняющаго обыкновенное теченіе природы по волѣ тѣхъ, кто

обладаетъ такою силою. Это качество, безспорно, блистательнѣе всѣхъ прочихъ, самое поразительное и скорѣе всего бросающееся въ глаза. Выражаясь въ дѣйствіи, подлежащемъ вышнимъ чувствамъ, это такое качество, которое, очевидно, менѣе всего требуетъ изслѣдованія и разбирательства; и потому оно болѣе дѣйствуетъ на простой народъ».

«Здѣсь я останавливаюсь, не входя въ разбирательство, можетъ ли исчисленіе разсматриваемыхъ качествъ простираться далѣе!? Такое разбирательство бесполезно для нашей цѣли; ибо очевидно, что когда всѣ означенные признаки открываются совмѣстно, этого достаточно для того, чтобы производить убѣжденіе въ людяхъ умныхъ и добрыхъ и въ простомъ народѣ, во всѣхъ вообще, исключая безумныхъ, неспособныхъ къ здравому разсужденію, и людей дурной жизни, которые не заботятся ни о какихъ убѣжденіяхъ». (*)

Представленное у Руссо распределеніе по классамъ главнѣйшихъ родовъ доказательствъ въ пользу Христіанской Религіи, по нашему мнѣнію, должно быть измѣнено слѣдующимъ образомъ:

Постановленное у Руссо на второмъ мѣстѣ отличительное качество, какъ плодъ совокупнаго дѣйствія разума и добродѣтели, плодъ, возвращаемый Христіанствомъ въ истинныхъ своихъ послѣдователяхъ, по нашему взгляду, должно быть разсматриваемо первѣе всего; потому что оно не нуждается ни въ какомъ изученіи и изслѣдованіи и само по себѣ способно производить сильное впечатлѣніе на всѣхъ людей *добрыхъ и прямотушныхъ*, которые,

(*) Troisième lettre de la Montagne, p. 84, 86, 87, 88, 89, edit. 1793.

по замѣчанію Монтэня, видятъ въ добродѣтели несомнѣнный признакъ истины. Святость Христіанства, какая-то особая печать выше человѣческаго, которою оно запечатлѣваетъ все, чему прикасается, — вотъ что, дѣйствительно, поражаетъ вообще людей! Это качество всегда присуще Христіанству, всегда даетъ себя чувствовать. Для удостовѣренія въ этомъ собственнымъ опытомъ слѣдуетъ только проникнуться его жизненными требованіями и исполнять ихъ на дѣлѣ, и можно замѣчать въ себѣ производимыя имъ дѣйствія и перемѣны, столько же неожиданныя, сколько ощутительныя и непосредственныя, послѣ которыхъ всякое другое доказательство становится уже безполезнымъ; потому что въ этомъ положеніи становишься самъ для себя доказательствомъ. Это доказательство Божественности Христіанской Религіи, исходящее изъ внутренняго чувства и сознанія производимыхъ ею дѣйствій, составляетъ главнѣйшее и самое общедоступное для всѣхъ убѣжденіе. Вотъ почему это качество пригодно для всѣхъ, безъ различія, людей простосердечныхъ и съ добрыми расположеніями воли.

За тѣмъ, на значительномъ разстояніи отъ людей этого разряда стоятъ умы философскіе, любящіе путемъ созерцанія и умственной работы доходить до началъ и основанія вещей, проникать въ ихъ взаимныя отношенія и связи, преслѣдовать ихъ послѣдствія. Для такихъ людей стройность и совершенство системы Христіанскаго ученія, связность и плодотворность его догматовъ, возвышенность, глубина и точность его правилъ и наставленій, и всѣ тѣ качества, которыя очевидно обнаруживаютъ въ немъ, какъ говоритъ Руссо, *настав-*

ленія высочайшей Премудрости и правила высочайшей Благости, составляютъ рядъ доказательствъ вытекающихъ изъ самой сущности Христіанства и которыми эти люди чрезъ удивленіе приводятся въ послушаніе вѣры.

Наконецъ, между умами философскими и людьми простосердечными находится еще множество умовъ, которые можно бы назвать просто разсудительными: это люди, вполне расположенные вѣровать даже безъ изслѣдованія предмета своей вѣры, но только желающіе основательно убѣдиться въ Божественномъ достоинствѣ основаній своей вѣры. Для нихъ-то раскрываются доказательства, заимствуемая изъ чудесныхъ событій, окружавшихъ Христіанство, при его происхожденіи и распространеніи.

Но надобно замѣтить, что между этими тремя родами доказательствъ не должно быть никакой исключительности. Строй и направленіе идей, свойственные тому или другому времени, тому или другому разряду личностей, могутъ располагать къ одному роду доказательствъ преимущественно предъ другимъ; однакоже, при всемъ томъ, надобно всѣ три рода доказательствъ этихъ всегда имѣть въ готовности для разума человѣческаго, дабы, когда, по свойственной ему слабости, случится одному роду доказательствъ ускользнуть отъ его вниманія, онъ имѣлъ бы возможность воспользоваться другими; а притомъ всѣ они взаимно одни другія поддерживаютъ и усиливаютъ. Особенно опасно было бы во всякое время оставлять безъ вниманія послѣдній рядъ доказательствъ, которыми мы обозначили наименованіемъ доказательствъ внѣшнихъ или историческихъ. Доказательства

двухъ остальныхъ родовъ могутъ имѣть не одинаковое значеніе; потому что не всегда бываютъ и сердце настолько чисто, и разумъ на столько твердъ, чтобы въ одинаковой мѣрѣ воспринимать ихъ дѣйствіе. Къ тому же, этимъ доказательствамъ нельзя назначить точныхъ предѣловъ, они доступны преувеличенію и пренебреженію ихъ силы и значенія, и стоятъ между двумя опасностями, съ одной стороны отъ страстей сердечныхъ, а съ другой—отъ отвлеченности умственной, отъ которыхъ они могутъ измѣнять своему характеру, или вовсе потерять свою силу и значеніе. Духъ заблужденія можетъ поддѣлываться подъ нихъ фальшивымъ сходствомъ съ истиною и добродѣтелію. Однимъ словомъ, эти доказательства составляютъ нѣчто въ родѣ крайностей, а крайности никогда не безопасны.

Чтобы предохранить себя отъ этихъ опасностей, надобно уравнивать эти два рода доказательствъ доказательствами историческими, независимыми отъ нашего произвола и отъ случайныхъ состояній нашей природы; къ нимъ мы можемъ обращаться съ вопросами во всякое время, когда намъ угодно; это доказательства—убѣдительныя для разума и опредѣлительно говорящія въ пользу вѣры. Религія Христіанская съ чрезвычайною выгодною можетъ всегда опираться на эти доказательства, потому что она одна владѣетъ ими, одна можетъ ссылаться на сверхестественныя событія, какъ на неоспоримые документы своего Божественнаго происхожденія. Она имѣетъ право и обязанность навсегда сохранять эти доказательства и до послѣдняго дня воспроизводить ихъ съ полною довѣренностію. Эти доказательства составляютъ ея дѣй-

ствительную, незыблемую твердыню, о которую всегда разбивались и будут разбиваться тщетныя усилія невѣрія и которая заставляетъ молчать даже тѣхъ, кои не хотятъ убѣждаться.

Этотъ рядъ доказательствъ преимущественно получилъ новое запечатлѣніе своего достоинства при тѣхъ нападеніяхъ, какія направлены были противъ Христіанства философіею осьмнадцатаго вѣка. Тогда открылось зрѣлище: люди геніальныя, располагавшіе всеми силами ума и поддерживаемые общественнымъ мнѣніемъ, безпощадно напали на самыя основанія нашей вѣры съ одной стороны, а съ другой — для ея защиты явилось нѣсколько апологетовъ, безвѣстныхъ, дѣйствовавшихъ одиноко, безъ посторонней поддержки. И что же вышло изъ этой громадной борьбы? Теперь, когда прошла умственная горячка и наступила пора хладнокровнаго размышленія, имѣющаго возможность вѣрно отдѣлать отъ призраковъ то, что осталось существеннаго отъ этой борьбы, мы можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ тѣмъ, что христіане, не смотря на необъятную несоразмѣрность своихъ силъ со средствами противниковъ, довели философовъ до положенія гораздо худшаго, чѣмъ молчаніе, довели ихъ до того, что они обратились къ насмѣшкамъ, софизмамъ, лжи, ругательствамъ, насилію. И изъ всей этой массы эпиграмъ, памфлетовъ, сатиръ, и пустыхъ ругательствъ, изъ всего потраченнаго въ этомъ дѣлѣ ума и краснорѣчія не осталось ни одного довода, ни одного доказательства, имѣющаго какую либо силу и значеніе противъ евангельскихъ основаній Христіанства, которое, напротивъ, пріобрѣло еще болѣе значенія отъ успѣховъ, совершенныхъ послѣ того

разумомъ человѣческимъ въ наукахъ, и въ прекрасныхъ апологіяхъ досточтимаго епископа Гермополійскаго и Шатобріана явилось еще въ большемъ блескѣ, какъ лучезарное солнце послѣ бури.

Этотъ рядъ неопровержимыхъ доказательствъ надлежитъ и теперь представить и тѣмъ закончить наши размышленія.

2. Не признавать важности внѣшнихъ или историческихъ доказательствъ Христіанства и не довѣрять ихъ дѣйствию, потому что они не имѣютъ прелести новизны и могутъ показаться устарѣвшими, значило бы обманывать самого себя. Вѣчная истина никогда не старѣетъ, равнымъ образомъ и вліяніе ея, которымъ она наиболѣе рѣшительно дѣйствуетъ на наши судьбы. Интересъ истины всегда имѣетъ значеніе настоящаго, потому что онъ сливается съ нашими собственными интересами. Говорить объ истинѣ значитъ — говорить о самихъ себѣ. Поэтому Христіанская истина постоянно составляетъ жизненный вопросъ и всегда будетъ вопросомъ настоящей минуты. Помимо ея собственнаго лона она не допускаетъ успокоенія. Кто не успокоивается въ ней, для того возможно только состояніе тревожнаго сомнѣнія, возбуждающаго любопытство, вызывающаго на изслѣдованія. Что это за личность, которую называютъ Иисусомъ Христомъ? Въ подлинномъ ли видѣ остаются книги свящ. Писанія? Справедливы ли ихъ повѣствованія? Дѣйствительно ли были пророчества и ихъ предсказанія и исполнились ли со всею точностію? Достоувѣрны ли рассказы о чудесахъ, окружавшихъ колыбель Христіанства? Чѣмъ и какъ объяснить быстрое распространеніе Христіанской Религіи и ея преобладающее до на-

шихъ дней вліяніе на просвѣщеніе и образованность народовъ и проч.?

Вотъ вопросы, которые никогда не могутъ быть старыми; ибо одно изъ двухъ: или мы принимаемъ рѣшеніе ихъ положительно, и тогда со всемъ усердіемъ стараемся поддержать убѣжденіе въ этой истинѣ какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ, и выводимъ изъ нея практическія слѣдствія, имѣющія въ высшей степени жизненное значеніе для нашихъ обязанностей и нашего счастья; или считаемъ, что положительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ еще нѣтъ, и въ такомъ случаѣ приходится оставаться въ тяжкомъ состояніи колебанія, соединеннаго съ томительнымъ ожиданіемъ рѣшенія. Только рѣшительно усвоенное отрицаніе могло бы, повидимому, доставить спокойствіе совершеннаго равнодушія въ этомъ отношеніи; но и самымъ отъявленнымъ вольнодумцамъ не удавалось этого достигнуть, и личности, наиболѣе погружавшіяся въ бездну невѣрія, съ надеждою найти тамъ спокойствіе духа, только успѣли представить міру зрѣлище самыхъ странныхъ противорѣчій.

Послѣ этого надобно обратитъ вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство: хотя доказательства въ пользу евангельской истины были изъясняемы и предлагаемы часто, или лучше, — потому самому, что это дѣлалось часто, для многихъ это послужило поводомъ къ тому, что на эти доказательства мало обращалось вниманія; къ нимъ относились прямо поверхностно, отъ чего и составились понятія о нихъ превратныя; точно такъ заученныя сначала по обязанности и заведенному порядку, красоты классиковъ остаются навсегда неизвѣстными, или недостаточно знакомыми, — отъ

того именно, что ихъ заучивали наизусть. Съ истинами религіи и нравственности бываетъ тоже, что и съ истинами, составляющими достояніе изящныхъ произведеній. Горе тому, кому онѣ были предложены не во-время, и кто слишкомъ много слушалъ объ нихъ тогда, когда самъ не способенъ былъ понимать и вмѣщать содержаніе рѣчей объ нихъ; онъ никогда не узналъ бы ихъ какъ должно! Въ помощь ему остается одно средство — забыть то, что онъ узналъ прежде, дабы снова изучать. Къ несчастію, а можетъ быть и къ счастію, по отношенію къ Религіи Христіанской мы почти всѣ находимся въ такомъ положеніи; и я не сомнѣваюсь, что многіе изъ насъ, хотя и увѣрены, что знаютъ достаточно доказательства въ пользу евангельской истины на томъ основаніи, что изучали ихъ, или слушали чтенія о нихъ въ томъ возрастѣ, когда чувствуется потребность противорѣчить имъ, или по крайнеѣ мѣрѣ не отдавать имъ надлежащей цѣны, — при внимательномъ пересмотрѣ вновь тѣхъ же доказательствъ, ощутили бы неожиданное впечатлѣніе истины, которая окончательно плѣнила бы ихъ въ послушаніе вѣры.

Въ жизни есть пора, есть точка зрѣлости для всякой вещи; и часто случается, что самыя очевидныя истины являются на горизонтѣ нашего разумѣнія очень поздно; мы сами дивимся, какъ это мы не поняли и не усвоили ихъ прежде, такъ часто обращались около нихъ и не замѣчали ихъ, смотрѣли на нихъ и не видѣли, даже оспаривали ихъ, хотя и не знали ихъ. Это психологическое явленіе сходно съ тѣмъ, что бываетъ съ известнаго рода картинами, художественное достоинство которыхъ вполне открывается только при одномъ

правильномъ освѣщеніи, единственная точка коего между множествомъ ложныхъ попадаетъ часто случайно послѣ тысячи опытовъ то приближенія и отдаленія, то повышенія и пониженія. Такимъ образомъ полное познаніе извѣстныхъ истинъ, особенно религіозныхъ и нравственныхъ, которыя, въ противоположность истинамъ геометрическимъ, при вѣрномъ пониманіи ихъ, порождаютъ множество слѣдствій, болѣе или менѣе противныхъ нашимъ склонностямъ, зависитъ часто отъ извѣстной степени нравственнаго развитія и направленія, отъ такого или другаго расположенія сердечнаго, сближающаго насъ или отдаляющаго отъ этихъ истинъ, отъ тѣхъ или другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ и отношеній, измѣняющихся ежечасно, или по крайней мѣрѣ въ извѣстные періоды жизни, и необходимо требующихъ, чтобы человѣкъ, если онъ хочетъ добросовѣстно относиться къ самому себѣ, строго и основательно пересмотрѣлъ и обсудилъ эти великія истины, касающіяся его судьбы и назначенія. Отъ этого происходитъ, что часто одинъ только шагъ отдѣляетъ невѣрующаго отъ великаго святаго, даже и того менѣе,—иногда ему стоитъ только поднять глаза на истину. Онъ стоитъ предъ лицомъ ея, пусть взглянетъ, и онъ обращенъ. Но онъ не смотритъ, потому, какъ самъ говоритъ, что онъ уже смотрѣлъ на нее и не былъ пораженъ ея свѣтомъ. На самомъ дѣлѣ онъ, быть можетъ, никогда не смотрѣлъ на нее своими глазами, а если и смотрѣлъ, то, можетъ быть, назадъ тому лѣтъ десять, пятнадцать, тридцать, т. е. въ такомъ возрастѣ и расположеніи духа, когда онъ былъ не похожъ на самаго себя въ настоящее время столько же, сколько теперь не по-

хожъ на всякаго другаго, не обращая вниманія на то, что если истина сама въ себѣ остается неподвижна, за то онъ самъ, совершая свой жизненный путь около нея, могъ совершенно измѣниться въ своихъ понятіяхъ и сужденіяхъ о важности и значеніи ея отношеній къ нему и о слѣдствіяхъ этихъ отношеній. На основаніи какого нибудь предразсудка юности, а иногда и младенчества, рискуютъ всѣми рѣшеніями своего зрѣлаго возраста, всѣмъ спокойствіемъ старости и всею участію своей вѣчной жизни! Какое безуміе!! По истинѣ, есть чему удивляться, есть о чемъ поскорбѣть, смотря на то, на основаніи какихъ жалкихъ призраковъ составляются и поддерживаются нерѣдко наши понятія и сужденія о самыхъ важныхъ предметахъ! И въ подобномъ состояніи спокойно проживаютъ свой вѣкъ и умираютъ! Умираютъ въ такомъ состояніи, отъ котораго сами пришли бы въ ужасъ и поспѣшили бы выдти изъ него, если бы пришли въ сознаніе такого своего положенія; иногда впрочемъ и подозрѣваютъ это, но съ тѣмъ же подозрѣніемъ и отходятъ! «Поистинѣ, говоритъ Паскаль, къ чести религіи Христіанской относится то, что ея врагами бываютъ люди столь неразумные.»

Эти размысленія должны, по нашему мнѣнію, возбудить живѣющее вниманіе теперь, когда мы приступаемъ къ изложенію самыхъ прямыхъ доказательствъ Божественности Христіанской Религіи, съ критическимъ ихъ разборомъ, благопотребность котораго нами уже доказана.

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвинъ.

Съ дозволенія цензуры. 18 Января 1869 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.